

НЕБЕСНЫЙ ВСАДНИК

16+

Максимилиан Жирнов

Максимилиан Жирнов

Небесный всадник

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Жирнов М. Б.

Небесный всадник / М. Б. Жирнов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Подлинная история всадника без головы, рассказанная невольным путешественником во времени вертолетчиком Ральфом Линдеманом. Герою - ветерану Вьетнамской войны, придется найти, как вернуться в свое время, разрулить любовный треугольник, сразиться с индейцами, наказать взбунтовавшихся негров и разоблачить опасного преступника. Что бы ни произошло, можно не сомневаться: бремя белого человека Ральф Линдеман будет нести достойно.

Содержание

Глава 1. Погоня	6
Глава 2. Воздушный извозчик	7
Глава 3. Предложение, от которого не отказываются	9
Глава 4. Побег	11
Глава 5. Прерия	12
Глава 6. Караван	15
Глава 7. Форт Индж	18
Глава 8. Почетный гость	21
Глава 9. Любовь – это...	26
Глава 10. Индейские страсти	30
Глава 11. Схватка с хвостиком	33
Глава 12. Невыносимая Льяма	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Максимилиан Жирнов

Небесный всадник

Все будет так, как мы хотим
На случай разных бед
У нас есть пулемет «Максим»
У них «Максима» нет!
(Хилэр Беллок)

Глава 1. Погоня

Меня прилетели убивать. Сначала на боковом стекле вертолета появилась маленькая черная точка. Я даже подумал, что это мошка и попытался ее смахнуть, но тут же сообразил, что ко мне приближается смерть.

Точка понемногу росла. Искаженная триплексом, она превратилась в грязную, размытую галошу с полупрозрачным диском несущего ротора сверху и черточкой хвостовой балки позади. Я узнал силуэт «Хьюи» – ужаса вьетконговцев и надежду американских солдат, и вытянул ручку общего шага до максимума, набирая скорость. Впрочем, это бесполезно. Вертолет преследователей – этих грязных ублюдков, в полтора раза быстрее моего «Сикорского». Вскоре они настигнут меня и два шестиствольных пулемета оставят от старого трудяги разбросанные по тexasской прерии листы высококачественного алюминия.

Если бы вокруг были горы или хотя бы лес, я бы смог, бросив вертолет, попытаться уйти пешком, прячась за камнями или под кронами деревьев. Но здесь, на поросшей чахлой травой и редкими кустами равнине, меня быстро найдут и... думать о том, что делает с хрупким человеческим телом очередь сверхскорострельного пулемета, совсем не хотелось.

Небо над горизонтом потемнело. Далеко впереди в утреннем небе сверкнули зарницы. Иссиня-черная туча, обрамленная гигантскими клубящимися башнями быстро, прямо на глазах, затягивала безоблачное небо. Если это не спасение, то, по крайней мере, шанс!

Я направил вертолет прямо в середину грозы – стихия не так страшна, как творение человеческих рук. Слепая природа может и пощадить, люди же всегда безжалостны. Это я знал по себе.

Машину подбросило, потом швырнуло вниз. Я едва удержал ее, с трудом справившись со смертоносным дыханием грозы. Вертолет преследователей зашел в атаку – от него потянулись огненные трассы. Они загибались к земле – нет, не попасть. Слишком далеко. И вдруг «Хьюи» понесся к земле и скрылся в поднятой ветром пыли. Его судьба меня уже не волновала.

Хлынул ливень. Поток воды ударил в ветровое стекло. Стало темно, как в безлунную ночь над вьетнамскими джунглями. Теперь я видел только светящиеся шкалы приборов. Когда же мое зрение чуть привыкло к чернильной мгле, проклятая молния залила все вокруг ослепительным светом так, что в глазах поплыли цветные круги.

Я поднялся повыше, направляя вертолет туда, где в тучах, как мне казалось, намечался просвет и тут же пожалел об этом. Поток воздуха закрутил машину, и шкала гирокомпаса превратилась в сплошное кольцо. Меня прижало к борту, потом рвануло из кресла так, что только ремни не дали мне разбить голову о приборную панель. Одновременно сверкнули десятки молний. Кажется, все. Прощай, жестокий мир, ты обошелся со мной слишком сурово.

Вдруг все стихло. Машина успокоилась. Лопасты винта резали спокойный воздух. Я по привычке вернул вертолет на курс и вытер со лба холодный пот. Главное – я жив и получил спасительную передышку.

Грозовая туча осталась позади. Ярко светило солнце, его лучи отражались от приборов и оставляли зайчики на черной обивке пустого сейчас кресла второго пилота. Пейзаж внизу казался одновременно и знакомым, и незнакомым, но что в нем изменилось, я никак не мог понять. Мысли вернули меня в теплый вчерашний вечер, когда все началось...

Глава 2. Воздушный извозчик

Пилотская кабина, в которую надо забираться по ступенькам через окно – что может быть «удобнее»? К сожалению, в те времена, когда проектировали мой «Сикорский-55», конструкторы не задумывались об эргономике. Делали, как карты лягут. В моем случае они сложились в высокую и неуклюжую машину, с виду похожую на беременную хомячиху с четырьмя смешными колесиками вместо лап и нелепо нахлобученным сверху трехлопастным ротором.

Впрочем, у любой медали есть две стороны. Старомодный, но неприхотливый поршневого двигателя «Сикорского» был куда экономичнее современных турбин, а обслуживать его мог я сам – ради этого, кроме пилотской лицензии, стоило получить диплом авиамеханика.

Год назад я вернулся из Вьетнама, где косил джунгли огнем вооруженного шестиствольными пулеметами «Хьюи» и наконец осуществил давнюю мечту: купил списанный армейский вертолет и заделался воздушным таксистом. Тогда же я позвонил домой в Портленд:

– Поздравляю тебя! – мама почти кричала в трубку. – Я так рада, что ты вернулся живой! Приезжай, пожалуйста, приезжай! Знаю, тебе тяжело, все напоминает о ней, но прошу тебя, навести меня. Тебе уже двадцать восемь! Неужели пяти лет на этой страшной войне мало, чтобы ее забыть?

– Мама... я приеду. Обязательно приеду. Как только смогу.

– Лучше бы ты построил дом и женился, – мама неожиданно сменила радостный тон на недовольное ворчание. – Впрочем, все равно поздравляю еще раз. Двадцать восемь лет, а все как маленький. Надеюсь, ты наиграешься, и я успею понянчить внуков.

Прости, мама, – и я нажал на рычаг.

Я едва сводил концы с концами, выполняя мелкие заказы армии и моряков. Мне приходилось проворачивать и сомнительные дела вроде контрабанды оружия или перевозки мексиканских иммигрантов, но никогда и не за какие деньги я не стал бы наркокурьером. Слишком многих моих братьев по оружию сгубила эта дрянь. Но в тот день мне не предлагали никакого криминала...

Я посадил вертолет на маленькую площадку возле городка Кингсвилл. Меня ждал заказчик – командер Гэри Стивенс. Несмотря на английскую фамилию, в тонких, изящных чертах его лица ясно угадывались испанские предки.

За широкой спиной Стивенса будто прятался от всего мира тщедушный человек в толстых очках-блюдцах. Пиджак незнакомца вышел из моды еще до войны в Корее, а манжетами длинных брюк он подметал асфальт.

Командер, как всегда невозмутимый, терпеливо следил за тем, как я выбираюсь в окно кабины и спускаюсь по ступенькам на землю.

– Добрый вечер, лейтенант, – Стивенс именовал меня исключительно званием. – Смотрю, вы так и оставили на борту своей летающей мельницы надпись «Армия США»? Вы ведь обновляли краску?

– Здравия желаю, сэр. А вы хотели бы, чтобы я расписал машину в цвета экспресса «Балтимор – Огайо»? Красный цвет с зеленой полосой? Увы, когда всем раздавали художественный вкус, я стоял в очереди за совсем другими талантами. К чему менять то, что и так неплохо выглядит? По крайней мере, для меня.

– Согласен, лейтенант. Открывайте багажник. Будем грузиться.

Я распахнул дверь в грузопассажирский отсек. Двое дюжих моряков, не напрягаясь, несли стандартный армейский ящик. «Самозарядные винтовки М1 Гаранд, пять штук. Первая дивизия морской пехоты, Гвадалканал» – прочитал я.

– Все в порядке, лейтенант, – командер фамильярно хлопнул меня по спине. – Ничего нелегального. Отвезешь ружья в Ювальди, рейнджерам. Морпехи избавляются от старого хлама. Принайтуем груз к твоей палубе, трактором не сдвинешь!

Матросы принесли ящик с патронами. Потом еще один. Когда они вернулись в четвертый раз, у меня полезли на лоб глаза:

– Три тысячи штук! Рейнджеры собираются воевать с Мексикой? Или хотят поддержать наших парней во Вьетнаме?

– Им же нужны тренировки, – уклончиво ответил командер.

Я понял, что лишних вопросов лучше не задавать и занялся грузовым манифестом:

– Загрузка триста пятьдесят фунтов. Можно еще чего-нибудь добавить. Раз этак в пять тяжелее. У вас найдется десяток солдат?

– Только один пассажир, лейтенант, – Стивенс вытолкнул незнакомца.

– Доктор Роберт Макферсон, – робко представился тот и молитвенно сложил руки. – Мне нужно во Фрир, срочно. Очень срочно!

Маленький городок лежал прямо на нашем пути.

– Ральф Линдеман, – представился я, поставив ударение на первую букву фамилии. – Лишняя посадка. Не быстрее вам будет на машине?

– Туда нет прямой дороги. Я хорошо заплачу! – Макферсон достал бумажник.

Шуршание и хруст банкнот способны убедить любого упряма. Купюры перекочевали в карман моей старой армейской формы.

– Дуйте на место второго пилота, но держите грабли при себе. И пристегнитесь. Пожалуйста.

Макферсон, кряхтя, полез по ступенькам. Я тщательно проверил крепление ящиков, захлопнул грузовую дверь и протянул манифест командеру. Он поставил закорючку.

– Удачи, лейтенант! Потом чешите прямиком к авиабазе Лафлин, там для вас еще работенка намечается.

Я поднялся в кабину и протянул Макферсону наушники с микрофоном. Все новички всегда спрашивают, зачем они нужны. Но доктор, похоже, был опытным путешественником и знал, какой адский концерт ждет его через несколько секунд.

Прочитав контрольную карту, я запустил двигатель. От рева и грохота девяти поршней – каждый размером с две консервных банки, задребезжали зубы. Над головой захлопали, зашипели, засвистели лопасти винта. Мотор вышел на номинальные обороты и его рык немного утих. Я проверил температуру в цилиндрах и поднял вертолет в еще светлое вечернее небо.

Глава 3. Предложение, от которого не отказываются

Пока мы оставались на земле, Макферсон заметно нервничал: ерзал и сжимал руки в кулаки, постоянно озираясь по сторонам. Но как только мы взлетели и развернулись на курс, он пришел в себя и блаженно заулыбался.

Я повел вертолет над шоссе – его серая линия уходила чуть в сторону, но зато не давала мне заблудиться. Далеко впереди сверкал на солнце полировкой красный кабриолет. Мы догнали его и вскоре разглядели, что с заднего сиденья, задрав головы, на нас пялятся две девицы. Одна повернулась к водителю. Кабриолет прибавил хода и стал постепенно удаляться. И тут обе пассажирки, как по команде, показали нам средний палец! Ничего. Хорошо смеется тот, кто... смеется.

– Я же говорил, что надо было ехать на авто! – сказал я, не отрываясь от управления.

– Это ничего! – ответил мне Макферсон. Идиотская улыбка словно прилипла к его лицу. – А знаете, грядет энергетическая революция! Как бы вы отнеслись к тому, что вам не нужно заправлять свой вертолет? Просыпаетесь утром, а бак полный!

Только психов в кабине мне не доставало. Похоже, за Макферсоном нужен глаз да глаз. И лучше его не злить до самого Фрира.

– Это было бы очень неплохо, – осторожно вымолвил я, продолжая наблюдать за выкрутасами девиц в кабриолете. – Жаль, невозможно.

Если бы не ремни, Макферсон разбил бы голову о потолок кабины.

– Возможно! Впрочем, я не собираюсь вас ни в чем убеждать.

Шоссе ушло в сторону. Я взял курс прямо на Фрир. Кабриолет в последний раз сверкнул в лучах заходящего солнца и превратился в едва заметную точку. Фантазер в кресле второго пилота обиженно надулся и до самой посадки не вымолвил ни слова.

Едва лопасти винта застыли, Макферсон удивительно проворно выскочил из кабины и помчался к ангару возле взлетной полосы. Я не успел снова запустить двигатель, как доктор, размахивая руками, помчался обратно.

– Стойте! Стойте! – я слышал его крик через открытое окно.

– Чего надо?

Макферсон чуть не плакал:

– Самолета нет... Он пропал! Улетел без меня... наверное. Я не знаю.

– А я здесь причем?

– Подкиньте меня в Сан-Антонио. Завтра! Понимаете, у меня важная встреча здесь, во Фрире. Потом самолет должен был забрать меня, но его нет. Может, он еще прилетит, и тогда вы свободны, – продолжал ныть Макферсон, подпрыгивая, точно он схватился за оголенные провода. – Расходы не имеют никакого значения.

Ничего себе заявления!

– А мой груз?

– Винтовки немного потерпят. А если меня хватит инфаркт, это будет на вашей совести, Линдеман. Ну, пожалуйста! Сколько вы хотите? Называйте любую сумму!

Я спрыгнул на землю:

– Пятьсот долларов! Двести задатка. И компания «Заплати и лети» все сделает для вас!

Еще две новеньких купюры заняли почетное место в моем кармане. Макферсон их печатает?

Доктор чуть ли не силой увел меня в гостиницу – одноэтажное здание в форме буквы «Г» на краю летного поля. Мы сняли два номера в самом конце бесконечно длинного коридора.

– Доктор Макферсон! – просияла пожилая женщина-администратор. У меня для вас письмо! Его оставил ваш друг на самолете. Вы опоздали на каких-то пятнадцать минут!

Макферсон нетерпеливо разорвал конверт, внимательно прочитал записку и развел руками:

– Не везет так не везет. Пилота срочно отозвали в контору. Какое счастье, что вы мне попались. Я удваиваю премию!

Потом мы долго сидели в дешевой забегаловке возле гостиницы. Тихо играла музыка – популярная рок-группа пела о несправедливости, о людях, которые отправляют других убивать, а сами развлекаются в дорогих клубах. Доктор курил сигареты одну за другой, обдавая меня клубами дыма страшнее напалмовой гари, и постоянно смотрел на часы.

– Что желаете, Ральф? Коньяк? Виски? Джин? Я угощаю!

– Только кофе, – ответил я. – Золотое правило авиации – восемь часов от рюмки до штурвала. Доберусь до моих друзей-рейнджеров – тогда, пожалуй, оторвусь. На всю катушку.

Макферсон встал:

– Я принесу, – через минуту он вернулся с наполненной чашкой кофе и рюмкой янтарного напитка для себя.

У меня потекли слюнки, но сила воли выдержала суровое испытание. Впрочем, кофе оказался превосходным. Правда, я уловил едва ощутимый, невнятный привкус. Наверное, здесь в кране артезианская вода – она жесткая и с примесями.

Макферсон допил свой бурбон, извинился и хлопнул дверью. У меня слипались глаза, в голову будто залили монтажную пену. Кое-как я добрался до номера, свалился на койку и вырубился. Мне снился Вьетнам.

Девушка с гранатами в руках, почему-то в яркой голубой блузке, пробиралась сквозь заросли слоновьей травы к нашему командному пункту. Никто из солдат не замечал ее – они стреляли по вспышкам огня «Чарли». Я же отчетливо видел лазутчицу из кабины «Хьюи», но не мог стрелять – я ведь поддерживал огнем своих. На мои отчаянные крики по радио никто не обращал внимания.

Я вдавил педаль и развернул вертолет, опустив его так низко, что ветви деревьев заскребли по корпусу. Девушка остановилась и подняла голову. Обычно мы, пилоты, не смотрим в лицо врагу, но сейчас я был слишком близко и разглядел ясные раскосые глаза, маленький нос и тонкие губы. В элитном борделе Сайгона она заняла бы почетное место! У нее не было бы отбоя от офицеров самого высшего ранга.

Девушка смотрела на прямо на меня, но я не видел страха в ее глазах. Только ненависть и... досаду. Сейчас, перед лицом смерти, она думала только о том, что не выполнила задание? Как можно воевать с этими фанатиками-коммунистами, если даже женщины и дети у них готовы пожертвовать собой ради призрачных идеалов? Я нажал на гашетку и там, где только что стояла диверсантка, вспухли серые, пронизанные красными нитями, клубы пыли... Тогда меня наградили Серебряной звездой. Разве война не ад, как говорил один бортовой пулеметчик, расстреливая крестьян на рисовых полях? Ха-ха...

Глава 4. Побег

Меня разбудил яркий свет. Горничная не закрыла жалюзи, и ненавистное солнце сверкало мне прямо в лицо. Я кое-как дотянулся до бутылки минералки и жадно вылакал половину – пить хотелось как после банкета по поводу моего награждения. Туман в тяжелой, как чугунная гиря, голове понемногу рассеялся. Я посмотрел на часы и тут же вскочил с постели: спать почти четырнадцать часов – непозволительная роскошь.

Ледяной душ окончательно привел меня в чувство. Я надел форму и вдруг мне в голову пришла мысль, от которой я похолодел, несмотря на невыносимо жаркий техасский день. Что такого подсыпал в кофе Макферсон? Это надо выяснить! Я с наслаждением вообразил, как выколочу из него дерьмо, но дверь распахнулась, и в номер ввалился доктор. Его рубашка казалась залитой красными чернилами. Я слишком хорошо знал, что это такое, чтобы шутить.

Макферсон повалился на пол. Я закрыл дверь и осмотрел раненого – две дырочки, в груди и животе сочились кровью, которая стекала на пол и собиралась в маленькие лужицы. Жизнь пока еще держалась в несчастном докторе только чудом.

Я хотел позвать на помощь, но Макферсон чуть не оторвал мне руку. Удивительно, но у него оказалась железная хватка! В груди умирающего забулькало и он прохрипел:

– Они пришли и начали лучше нас. Записная книжка в... кармане. Синтезатор топлива в... ох...

Макферсон застонал. Глаза остановились и остекленели. Пальцы медленно разжались. Я быстро обыскал тело и нашел объемный блокнот в кожаной обложке и пустую карточку с черной полоской и непонятной эмблемой – перекрещенные стрела и копьё, вписанные в круг. Такого поворота я никак не ожидал.

Снаружи раздались осторожные, крадущиеся шаги. Я встал за дверью, открывающейся, к счастью, внутрь и, как только она медленно распахнулась примерно на четверть, что есть силы врезал чуть ниже ручки. Раздался глухой удар, за ним мучительный стон. Я выскочил в коридор.

Убийца в черной маске скорчился на полу, держась руками за окровавленное лицо, и тихо завывал от боли. Рядом валялся пистолет. Враг мог бы до него дотянуться...

Я прыгнул на незнакомца, целясь каблуками тяжелых армейских ботинок прямо в его бритый висок. Что-то хрустнуло, и мой враг перестал скулить. Теперь он, как и Макферсон, лежал на полу навзничь, раскинув руки. Пальцы его медленно сжимались. Я поднял с пола оружие: «Вальтер ППК». Кажется, таким пользовался Джеймс Бонд в последней саге.

Чуть помедлив, я обыскал незнакомца. У него ничего не было, кроме странных наручных часов со светящимся экраном вместо циферблата. Я попытался их снять, но проклятый браслет намертво заело. Он не расстегивался.

Бандит открыл глаза. Я бросился в номер, высадил окно и со всех ног рванул к вертолету. Надо добраться до рейнджеров, эти бравые парни, мои братья по оружию, не дадут меня в обиду никаким гангстерам. За секунду я вскарабкался в кабину и вдавил кнопку стартера так, что едва не сломал ручку общего шага. Шестьсот лошадей, спрятанных в двигателе, с ревом и грохотом вырвались на свободу. Но впервые в жизни мне казалось, что ротор раскручивается невыносимо медленно, словно в трансмиссию насыпали песка.

Из окна гостиницы выскочил мой несостоявшийся убийца. Поздно, дружок. Я потянул ручку общего шага и пошел на взлет с разбегом, как обычный самолет – это экономит горючее. Как только промелькнули ангары и стоянка с разноцветными автомобилями, я набрал высоту и взял курс на Ювальди. До него оставалось больше ста миль. Тогда я и увидел погоню.

Глава 5. Прерия

Я взглянул на часы. Скоро на горизонте покажется восьмиполосное шоссе на Сан-Антонио, железная дорога и нефтяной завод. А там радиокompас поймает сигнал маяка, и путеводная стрелка, точно нить Ариадны, выведет меня к берегам Леоны.

Одна минута сменяла другую, но серая прямая линия так и не прорезала буро-зеленую прерию. Я занервничал: конечно, всегда можно заблудиться, только здесь, на равнине Техаса, рано или поздно обязательно попадетсЯ дорога или ферма. Но внизу все тянулась и тянулась унылая пустошь.

И вдруг я понял, что не так. Исчезли изящные постройки – гасиенды на многочисленных ранчо, возделанные поля превратились в целину, сгнули, будто испарились, вышки нефтяных скважин. И ни следа автострад или хотя бы проселков. Осталась лишь девственная земля, которой никогда не касались ни плуг, ни буровая машина. Зато на горизонте появились корявые, будто искореженные безумным художником деревья – обычно они растут по берегам пересыхающих рек. Кажется, я окончательно потерялся.

Я посадил вертолет на открытую пустошь возле густой поросли. Выключил двигатель, положил на колени карту и попробовал разобраться, куда же меня занесло. Получилась совершенная чушь: я пролетел больше половины пути и приземлился на берегу Змеиной реки. Но здесь нет никаких знакомых ориентиров! Да что там знакомых! Их вообще нет. Никаких!

Я открыл окно и выбрался из кабины на землю. Жаркий, напоенный ароматом трав воздух показался мне странно свежим и чистым. В нем не ощущалось запаха автомобильных выхлопов, зато с севера едва уловимо тянуло гарью. Я отлил и уже собрался подняться обратно в кабину, как в зарослях хрустнули ветки и на поляну метнулся ягуар. Страх пронзил меня от макушки до пяток. «Жаль, что это не автомобиль» – мелькнула глупая и неуместная мысль.

Наверное, сначала зверь отпугнул запах металла и бензина – огромная кошка не приближалась к вертолету, лишь грациозно припала к земле, готовая в любую секунду пустить в ход когти длиной с мою ладонь.

– Тише, не порви мне форму, – прошептал я одними губами, уставившись прямо в желтые глаза.

Игра в переглядки, ставкой в которой была моя жизнь, продолжалась с минуту. Потом зверь облизнулся, попятился и метнулся в кусты. Лишь много позже я узнал, что обычно ягуар не нападает на человека первым. Но сильный голод или стресс могут подтолкнуть его к людоедству.

Я открыл дверь в грузовой отсек, вошел внутрь и только тогда пальцы перестали дрожать. Так всегда после боя. Во время схватки сердце заливается жаром, но разум и руки работают, как хорошо отлаженная машина. Зато после посадки, при виде вмятин на бронеспинке, по спине пробегает предательский холодок, а кожа покрывается мурашками, как в морозильной камере.

Несколько минут я собирал в кучу свои мысли, размышляя о том, в какую безумную игру спецслужб зашвырнула меня судьба. В пистолете киллера не доставало двух патронов – Макферсона, без сомнения, убили именно из него. И сейчас оружие – улика. Улика против меня, ведь на «Вальтере» остались мои отпечатки. Но стирать я их не стал – тогда бы я уничтожил и следы убийцы.

Я отпер багажное отделение. Внутри лежали запасной комплект формы и армейский Кольт сорок пятого калибра в кобуре. Грозное и тяжелое оружие – выпущенная из него пуля способна остановить даже кокаиниста под кайфом. Я проверил магазины, вытащил из коробки несколько запасных патронов и нацепил пистолет на пояс – теперь, если что, я готов дать отпор. «Вальтер» же завернул в пакет от полевого рациона и оставил в багажнике. Потом взял бинокль

и внимательно осмотрел равнину и заросли. Никого, если не считать парящих в небе птиц. Мой друг ягуар тоже исчез.

Лишь после этого я захлопнул грузовой отсек и поднялся в кабину. Там я раскрыл записную книжку – ничего не говорящие мне даты, незнакомые имена и фамилии, адреса и коды. И никаких зацепок на будущее. Разве что некоторые имена соединены линиями, словно Макферсон искал какие-то связи между ними.

Я бросил книжку на сиденье второго пилота, надел наушники и включил питание приборов. Мне показалось, что стрелка топливомера показала больше горючего, чем оставалось после посадки. Не хватало еще отказов.

И вдруг мне стало не до топлива. В наушниках стояла мертвая тишина – полный гухор, как говорят радисты. Я прошелся по диапазону – глухо, лишь потрескивают помехи. Но раз есть шумы эфира, значит, радиостанция в порядке. Просто для очистки того, что у меня когда-то называлось совестью, я выставил аварийную частоту и несколько раз передал срочный сигнал «пэн-пэн», потом объявил бедствие – «мэйдей». На мои отчаянные призывы никто не ответил. Вот теперь мне по-настоящему стало страшно.

Что же произошло? Ядерная война? Комми испытали машину Судного дня или ударили по нам климатическим оружием? Предположить можно все, но чтобы узнать истину, надо лететь. Один вопрос: куда?

Я запустил мотор. От его рева задрезжали зубы. С корявых деревьев сорвалась стая птиц. Кто-то большой метнулся в чащу. Значит, любопытный ягуар все-таки не оставил мысль отобедать свежим человеческим мяском. К моему величайшему счастью, ему не понравилась бензиновая приправа.

Как только раскрутился ротор, я взлетел и направился на север. Вскоре подо мной блеснула вода. Леона? Нет, для Леоны эта река слишком широкая. Может быть, это Нуэсес? Тогда получается, я улетел куда-то на запад и пересохшее русло, у которого я приземлился – вовсе не Змеиная река. Черт, черт, черт! Ну не мог я так заблудиться в южном Техасе, где мне известна каждая тропинка, где, бывает, я выполняю по три-четыре заказа в неделю! Разве что гроза отнесла меня в сторону. Но чтобы так далеко?

Я сверился с картой и развернулся на северо-восток – новый курс, по расчетам, должен был вывести меня прямо на Ювальди. Через пару минут горизонт потемнел, а потом внизу потянулась выжженная пустыня, словно десятки тяжелых бомбардировщиков залили прерию сотнями тонн напалма. Впрочем, пожары в Техасе не редкость. В засуху они, бывает, сильно вредят фермерам, вот только последнее лето было прохладным. Да и по радио никто не объявлял тревогу.

Еще через полчаса равнина сменилась выгоревшими дотла холмами, перемежающимися широкими долинами. Они начинались в нескольких милях за Ювальди.

– Нет... – в ужасе прошептал я, чуть не раскрошив ручку управления. – Нет!

Город испарился вместе с десятью тысячами жителей. Неужели Советы начали ядерную войну, а пепел подо мной – остатки цивилизации? Но тогда где развалины домов, уцелевшие дороги, фермы, карьеры, заводы? Где аэропорт Гарнер Филд, наконец? Даже водородная супербомба не может стереть с лица земли абсолютно все!

Я посадил вертолет, что называется, прямо перед собой – в долину между двумя холмами. Вряд ли это было разумно, но я устал до того, что «провалил» машину в вихревое кольцо и едва не поцеловал землю. Да и горючего хватит всего на два часа. Нужно отдохнуть, а там видно будет.

Едва улегся поднятый ротором пепел, я вылез в свое «горячо любимое» окно и забрался в грузовой отсек. Там подкрепился галетами с минералкой, достал из багажника подушку и прилег на скамью для десанта, из которой когда-то не поленился соорудить уютный диван. Рядом со мной, прочно привязанные к полу, лежали ящики с патронами. Конечно, обычно

груз неприкосновенен, но сейчас, если что, придется позаимствовать у рейнджеров винтовку. Крайняя необходимость.

Сразу заснуть не получилось. Едва уловимая мысль, навязчивая догадка покалывала меня всякий раз, как я закрывал глаза. Кажется, она связана с Вьетнамом, с моим вторым пилотом Джеффри Смайлзом. Я включил свет и уставился в потолок...

Станный он был человек, этот Смайлз. Неуклюжий, угрюмый и вечно озабоченный, он становился необыкновенным рассказчиком, когда речь шла о каком-нибудь редком хомяке или исчезающем виде тигров. «Когда вернусь из Вьетнама, открою свой зоопарк» – так, кажется, он говорил, когда мы вместе с ним уплетали королевскую кобру, приготовленную им на костре по его собственному рецепту. Я тогда признал, что ничего вкуснее не пробовал. Самая нежная курятина не могла сравниться с тающими во рту солоноватыми, пряными кусочками.

– А ты еще упирался, Ральф! Если нас собьют, протянем на подножном корме! – с каждым словом Смайлз лупил меня по плечу до синяков.

Утром нам приказали подавить зенитные установки в зоне высадки наших войск. Авиация обработала джунгли дефолиантом – деревья тянули к небу корявые руки. Красно-желтая, будто опаленная огнем трава, скрючилась и обнажила коричневые пятна голой земли.

Стоило нам снизиться, как в нашу сторону потянулись огненные нити.

– На десять часов! – крикнул Смайлз. – И еще один!

Но я и сам заметил среди опавшей листвы установленный на треногу зенитный пулемет. Ему хватило одного ракетного залпа.

– Берегись, Смайлз! – крикнул я и, уворачиваясь от вражеского огня, бросил машину в сторону второй зенитной установки.

Вдруг я увидел пожилую женщину – прикованная цепью, она прикрывала собой пулеметчика. Ствол развернулся в нашу сторону и смотрел прямо мне в лицо.

Я замешкался всего на секунду. Но врагу этого хватило. По кабине прогрехотала очередь. Лобовое стекло лопнуло, правую щеку обожгло – в нее воткнулся осколок, от него у меня остался мужественный шрам. Я нажал на гашетку и два шестиствольных пулемета смели и ветконговца, и заложницу сплошным огненным потоком...

Когда я вернулся на базу, Смайлз улыбался. Он сидел в кресле неподвижно, положив руки на колени. А во лбу его, точно посередине, темнела маленькая, будто нарисованная дырочка, из которой стекала струйка крови. Затылок был размозжен.

Санитары вытащили моего напарника из кабины, собрали с кресла белые осколки костей и прикрыли покойнику лицо журналом. «Нэшнл географик» – прочитал я на блестящей обложке – «Куда исчезли ягуары?» И чуть ниже: «Последний раз ягуара в Техасе видели в тысяча девятьсот сорок шестом году».

Жаль, что у меня не оказалось под рукой фотоаппарата! Ягуар в Техасе – это настоящая сенсация!

Глава 6. Караван

Меня разбудил настойчивый стук в дверь. Поначалу я решил, что это ягуар заскочил на огонек – узнать последние новости. Но тут же сообразил: вряд ли у него есть кулаки, чтобы так долбить по алюминиевой обшивке.

– Эй ты, дятел! – гаркнул я. – Пшел вон отсюда! Не то я тебе перфоратор вырву!

Незванный гость тут же перестал стучать. Я выглянул в окно. Прямо на меня смотрел усатый незнакомец лет пятидесяти – судя по желтоватому цвету лица, облупленному красноватому носу и припухшим губам, он был не дурак прикладываться к бутылке. Я, конечно, и сам не святой, но мне далеко до состояния, до которого довел себя джентльмен, нахально рассматривавший меня сквозь толстый плексиглас. Впрочем, позже я узнал, что в том месте, куда меня так некстати занесло, обильные возлияния считаются нормой жизни. Короче, здесь все если не алкоголики в последнем градусе, то как минимум крепкие пьяницы и к тому же ярые любители сигар и трубок.

Я немного поколебался и открыл дверь. Резкая вонь перегара и табака подтвердила мои смелые предположения.

– Доброе утро, офицер, – вежливо сказал мужчина низким, но не хриплым, как можно было бы предположить, голосом. – Я – Филипп Морган, новый владелец плантации на западном берегу Леоны. К сожалению, наш караван заблудился в этой чертовой пустоши. Но, к счастью, мы вчера услышали вашу машину, и поехали на звук. Не покажете дорогу?

Я смотрел на Моргана, хлопая глазами, как вьетконговский проводник при неожиданной встрече с американским военным патрулем. Меня поразила одежда плантатора – кожаные брюки и куртка, широкополая шляпа и вышитая цветным узором рубашка. Мой собеседник словно сошел с экрана фильмов о Диком Западе! Позади него высокий негр держал за поводья оседланную лошадь.

Я выскочил из грузового отсека, и мне показалось, что мой рассудок улетел далеко за Миссисипи. В десяти ярдах от вертолета белели крыши десятка запряженных мулами фургонов с грубыми деревянными колесами. В застекленном окне украшенной вензелями старинной кареты, как мне показалось, маячила смазливая девичья мордашка. Большие глаза с надеждой смотрели прямо на меня. Ну точно! Здесь, наверное, снимают кино! Угораздило же меня попасть прямо на съемочную площадку!

– Офицер! – напомнил о себе Морган. – Так вы покажете нам дорогу?

Я еще раз осмотрел странную процессию, но так и не нашел ни оператора, ни осветителей с отражателями и софитами. Зато, к своему изумлению, обнаружил полсотни скованных цепями черных рабов и белого мужчину на лошади – видимо, надсмотрщика, если судить по плетке в руках и револьверу на поясе. Еще два всадника о чем-то болтали между собой в тени кареты. Значит, это все-таки не кино. Я бросился к ближайшему фургону и заглянул внутрь: несколько негрятенок испуганно шарахнулись от меня.

– Офицер! – выкрикнул плантатор, очевидно, теряя терпение. – Вы заставляете меня ждать!

И тогда я задал ему самый глупый вопрос, который только мог придумать:

– А что... компаса у вас нет?

– Нет! – рявкнул Морган, уже не сдерживаясь. – Можно подумать, вы его с собой постоянно таскаете!

– Таскаю. Причем целых три, – попытался объяснить я. – Гироскопический, магнитный и радиокompас.

– Так может быть, вы тогда скажете нам, куда ехать?

Этот наглый усач что, в самом деле заблудился?

– Вообще-то, я тоже потерялся. Так что очень сожалею, но дорогу не укажу. Правда, у меня есть идея. Мне нужно направление на хоть какой-то ориентир. Совершенно не имеет значения, виден он или нет.

Пока я распинался, лошадь издала неприличный звук и вывалила из-под хвоста кучу «конских яблок». От мерзкого запаха меня едва не вывернуло наизнанку. Сам же мистер Морган остался невозмутим, как будто так и должно было быть. Интересно, придется ли ему по душе бензиновая гарь?

Плантатор снял шляпу и почесал засаленную макушку:

– На западе отсюда Леона. Уж ее-то миновать невозможно.

– Нуэсес, вы хотите сказать? Я не видел озера Хоаг. Да и река слишком широкая.

– Нет! Леона! – раздраженно сказал Морган. – Мы должны пересечь ее вброд возле форта Индж! И раз мы этого еще не сделали...

– Вы что-то путаете. Я пытался найти Ювальди, но он как сгинул. Исчез.

– Ювальди?! – вскинул брови плантатор. – Никогда о таком не слышал! Как и об озере Хоаг!

Я задумался. Может быть, я действительно пролетел над Леоной и не узнал ее? Тогда все просто, как цветок лотоса! Но этого не может быть потому что не может быть никогда! Я же сверялся с картой!

Морган глянул на меня исподлобья. Наверное, его рабы и слуги трепетали от сурового взгляда хозяина. Но я выдержал его взгляд и ответил ему примерно тем же.

– Вот что, – я хлопнул дверью грузового отсека так, что негр едва сдержал шарахнувшуюся в сторону лошадь. – У меня есть план. Я попробую добраться до Ювальди. И привезу вам проводника, пусть топлива у меня осталось всего на два часа. И отойдите от машины на двадцать ярдов.

Но Морган остался стоять на месте.

– Я разве неясно выразился? Мне на вас тьфу – и растереть. Можете даже под хвостовой винт встать и разбить об него свою джентльменскую башку! Машину жалко – она мне обошлась в круглую сумму.

Теперь, после упоминания возможных убытков, плантатор отошел в сторону и подал рукой знак остальным. Заскрипели колеса фургонов, и вокруг вертолета быстро образовалась свободная площадка.

Я забрался в кабину и включил питание. Стрелка топливомера указала на отметку «полный». Это еще что за фокусы? Я обезьянкой слетел по ступеням вниз и открыл горловину. Заглушая вонь конского навоза, мне в нос пахнуло сладковатым ароматом карамели. Я сунул в топливный бак щуп и вытащил его почти целиком в прозрачной, слегка желтоватой жидкости. Но это не бензин!

– Что-то не так, офицер? – крикнул Морган.

– Не мешай, – буркнул я и осветил в бак фонариком.

К горловине был прикручен... или приварен серебристый цилиндр толщиной с большой палец. Я попытался его оторвать, но безуспешно. Значит, это и есть тот синтезатор топлива, о котором так некстати проболтался Макферсон? А может, он и не проболтался? Может быть, я – часть его плана? Но какого черта он не рассказал мне обо всем? Глупый вопрос. Я бы, разумеется, никогда не поверил ученому и счел его сдвинутым по фазе, если не полным придурком.

Но в любом случае надо лететь. Думаю, мой двигатель успешно работает на этом странном горючем – уже сейчас его две трети в смеси с остатками бензина. Да и вряд ли Макферсон стал бы монтировать в топливный бак заведомо непригодную конструкцию. Скорее, подложил бы мне бомбу!

Я плотно закрыл горловину, поднялся в кабину и нажал на кнопку стартера. Двигатель кашлянул, фыркнул струйкой дыма и замолотил всеми своими девятью цилиндрами ровно и

уверенно. Обороты вышли на номинал, и я включил сцепление с ротором. Лопасти медленно стронулись с места, замелькали и слились в полупрозрачный круг над головой. Рукотворный вихрь поднял с земли пепел и швырнул его прямо в лицо Моргану и свите. Я потянул шаг-газ и вертолет, взревев, завис в нескольких футах над прерией. Все – плантатор, два джентльмена, черные рабы, их надсмотрщик и даже девица из кареты, раскрыв рты, беззвучно шевелили губами. Не надо быть телепатом, чтобы прочесть в их глазах удивление пополам с благоговейным ужасом. Интересно, а чего они от меня ожидали?

Глава 7. Форт Индж

Уже через пятнадцать минут полета на горизонте показалась верхушка одинокого, поросшего травой, холма. Вполне узнаваемый ориентир. Если бы мои руки не были заняты управлением, я от стыда обязательно прикрыл бы лицо ладонью. Поздравляю тебя, первый лейтенант Ральф Линдеман, ты – просто «гений» штурманского дела. Разумеется, непризнанный. Заблудиться там, где летал целый год, да еще при видимости «миллион на миллион» – для этого нужен особый талант. Да чего уж там мелочиться – сверхспособности!

Черная прерия сменилась зеленой травой и буйными зарослями кустарника. Далеко впереди блеснули тихие воды Леоны. Но еще через минуту мне стало не до самоиронии. Я наконец увидел форт Индж – несколько выбеленных известкой домиков, окруженных прочным каменным забором. Именно таким он был на старинных фотографиях в музее городка Ювальди. В полумиле к северу от форта виднелись крыши зданий поселка.

Я описал широкий круг, зашел, как и положено, против ветра, который определил по развевающемуся на шпигеле звездно-полосатому флагу, и сел прямо на плац, чуть в стороне от загона для лошадей. Несчастные животные сгрудились у стены, казалось, что они вот-вот проломают стену и вырвутся на свободу. Несколько человек выскочили из домов и всю главели на мою машину. Я тут же выключил двигатель и затормозил ротор. Лопастей еще не успели остановиться, а к вертолету уже спешил загорелый мужчина в синей форме. Такую я видел только на картинках, изображающих Гражданскую войну! Да что это за историческая реконструкция? Я же не янки при дворе короля Артура... или... я в прошлом? Эта мысль пришла мне в голову впервые.

Я спустился на землю и отсалютовал в ответ на приветствие человека в форме.

– Майор Александр Рингвуд, – представился он. – Комендант форта Индж. Вашу форму я не узнаю, но на ней и на вашей машине написано «Ю. Эс. Арми». Значит, вы – наш.

Я отрапортовал по всем правилам, чем привел майора если не в восторг, то, по крайней мере, в хорошее расположение духа. Во всяком случае, его лицо просветлело.

– Здесь мало кто строго следует уставам. Жизнь у границы накладывает свои отпечатки на службу. «Доступ к двигателю»... «Гидравлическая система»... «Масляный бак»... – кажется, майор вознамерился прочитать все надписи на лючках вертолета. – Это изобретение Эриксона? Или Брейтуейта?

– «Чикасо» создал Игорь Сикорский, русский эмигрант.

– Эти переселенцы – талантливые люди, не так ли? Лейтенант, давайте перейдем к делу.

– Окей, сэр! Для начала скажите, какой сейчас год?

Я ждал ответа с трепетом, нет, даже со страхом в душе. Но майор молчал, удивленно хлопая глазами.

– Вы серьезно? – он странно посмотрел на меня и произнес: – Тысяча восемьсот пятьдесят первый. Второе мая. Вам нехорошо? Вызвать доктора?

– Нет... не нужно. Вы не ошибаетесь? – я оперся спиной о створки капота – подобную новость мало кто сможет воспринять спокойно и уверенно. Значит, зря я грешил на карту. Зря ерничал над собой: ничего удивительного в том, что я не узнал хорошо знакомую мне Леону, нет. За сто двадцать лет река несколько раз пересыхала и в некоторых местах даже меняла русло. И, наконец, вот откуда взялся «дружелюбный» ягуар. Получается, гроза выбросила меня в далекое прошлое – вроде как старик Эйнштейн писал о путешествиях во времени в своих трудах. Или это был не Эйнштейн? А может быть, эту экскурсию устроил мне покойный Макферсон? С него станется, учитывая топливный синтезатор в баке моего вертолета. Но зачем это ему? И вернет ли он меня назад? Ответить на этот насущный вопрос, как ни парадоксально, могло только время. В прямом смысле.

Я глубоко вздохнул и взял себя в руки:

– Сэр, на пути мне попался караван из нескольких фургонов – какой-то плантатор купил здесь участок. Он заблудился. Не могли бы вы отрядить проводника? Я доставлю его на место. С ветерком.

– Увы, лейтенант. Все мои люди заняты по службе... хотя подождите минуту. Коулмен! – крикнул майор.

Будто из-под земли вырос молодой офицер. Его бравый и подтянутый вид просто кричал о том, что он относится к службе не как к скучной рутине.

– Да, сэр!

– Скажите, Коулмен, охотник Рид еще не уехал?

– Нет, сэр! Он в гостинице.

– Тогда позовите его к нам. Передайте, что есть важное дело.

Коулмен откозырял и, как угорелый, ринулся к выходу. Вскоре он вернулся. За ним пружинистой походкой шел настоящий красавец – хоть сейчас на голливудскую афишу. Высокий, широкоплечий, с правильными чертами лица и выразительными синими глазами, он был гладко выбрит и скромно, но опрятно одет. Охотничий костюм – толстая куртка с оторочкой, брюки и мокасины, сидел на нем, как влитой, а шляпа с полями гармонично дополняла его, если можно так выразиться, гарнитур. К широкому ремню несостоявшийся киногерой прицепил кобуру с револьвером и рог для пороха, старинное ружье он повесил на плечо. Ствол, как указующий перст, торчал из-за его головы на целый фут, несмотря на то, что я доставал незнакомцу макушкой только до подбородка.

– Томас Рид к вашим услугам! – произнес охотник с сильным ирландским акцентом.

– Здравствуйте, – я представился и, как мог, описал бедственное положение каравана. – Вы не боитесь лететь по воздуху?

– Как птица? – Рид не улыбнулся.

– Нет, – ответил я. – Как человек на гремющей повозке, катящейся по булыжной мостовой. Правда, рессоры к телеге добрые инженеры все-таки прикрутили. Ну так как?

Рид с опаской оглядел вертолет снизу доверху:

– Может, я поеду на лошади, а вы укажете мне путь?

– А техническое обслуживание вы мне сделаете? Я летаю со скоростью восемьдесят узлов, а ваша кобыла не на реактивной тяге! Предлагаете мне нарезать круги? Так никакого ресурса двигателя не хватит!

По-моему, Рид ничего не понял. Но этого я от него и не ждал. Он помолчал и сказал:

– Хорошо! Летим!

– Тогда отдайте ружье майору на ответственное, так сказать, хранение. Вряд ли он приделает ноги вашему драгоценному стволу. Мы не влезем в кабину с таким дрынком. А если что, вам и револьвера хватит.

Охотник немного поколебался, но все же вручил оружие майору. Я открыл окно со стороны второго пилота, посадил Рида в кабину и пристегнул его к креслу. Потом забрался на свое место, снял с крюка на стенке наушники из толстой губчатой резины с микрофоном на проволоке и протянул их своему невольному напарнику.

– Это еще зачем? – изумился Рид.

Этот вопрос мне будет задавать слишком часто. Но пока я не придумал универсальный ответ и постарался объяснить, как мог:

– Представь, дружище, что ты сидишь в кузнице, а вокруг тебя девять кузнецов что есть силы лупят молотом по наковальне. Что-то вроде этого ты сейчас и услышишь.

Как только Рид снял шляпу и надел наушники, я запустил мотор, поднял вертолет и повел его обратным курсом. Леона еще не успела скрыться в туманной дымке, а мне уже показалось,

что молодому охотнику все-таки придется мыть кабину. Впрочем, кроме меня никто в этом не будет виноват: в спешке я не позаботился о гигиенических пакетах.

Но, к чести Рида, он справился. Белый, как после укуса вампира, он сцепил руки в замок, зажмурился и дышал, широко раскрывая рот. Я тайком позавидовал его превосходным белым зубам.

Когда же я отыскал светлые крыши фургонов, посадил вертолет между знакомыми холмами и выключил мотор, Рид зашевелился и простонал:

– Господи, лейтенант. Как вы это выносите? Если я полечу с вами еще раз, меня отправят прямо в Бедлам.

– Дело привычки. Однажды мне довелось летать целый день и всю ночь. Да еще в тумане. Ничего, жив. Война есть война.

Я выбрался из кабины и помог охотнику спуститься. Морган, широко улыбаясь, терпеливо ждал, пока мы не закончим нашу мышиную возню.

– Можете его забрать! – сказал я, фамильярно толкнув Рида в спину. – Этого малого рекомендовал мне лично майор Рингвуд. Опытный проводник и, как говорят, отважный охотник.

– Вы оказали мне услугу, – чинно сказал плантатор. – Я всегда жду вас на своей гасиенде, офицер.

– Разрешите мне погостить у вас какое-то время, – обнаглел я. – Можно, конечно, жить и в казармах форта Индж, но мне бы не хотелось стеснять солдат. Я там как пятое колесо в телеге.

– Конечно, офицер! Здесь, на границе, никогда не помешают лишние руки, способные держать ружье. Кто знает, не будет ли войны с команчами или семинолами. Как только мы прибудем, я распоряжусь выделить для вас комнату.

Рид напряженно вглядывался в горизонт. Я тут же понял причину его беспокойства: небо затягивала черная туча – точь-в-точь как та, что перебросила меня сюда, в прошлое.

– Вам нужно торопиться, – сказал охотник, обращаясь ко мне. – Это северный ветер. Улетайте, улетайте, лейтенант!

– Северный ветер? – спросил Морган. – Что в нем такого?

– Он несет массу пепла, – ответил я вместо Рида. – И если вы не послушаете советов проводника, то, боюсь, мне придется возглавить отряд по откапыванию ваших остывших трупов.

Далеко в прерии выросло несколько смерчей. Черные столбы извивались в безумной пляске святого Витта и постепенно тянули к нам свои корявые руки. Два вихря столкнулись и рассыпались пороховым облаком, но новые великаны тут же заняли их место.

– Все от машины! – крикнул я и бросился в кабину. Вновь взревел двигатель, поток воздуха от винта сорвал с земли пепельное покрывало. Я взлетел и взял курс на форт Индж.

Глава 8. Почетный гость

Честный плантатор сдержал слово: он выделил мне просторную комнату с роскошной резной кроватью, массивным столиком и книжной полкой, сплошь заставленной увесистыми томами. Лишь одно имя на обложке показалось мне знакомым – Эдгар Аллан По. Наверное, Морган считал меня образованным человеком. Я действительно много читал в детстве, но на войне я получил массу острых впечатлений, так что пока мне вовсе не хотелось жить за других.

Вертолет мы поставили на площадку перед главными воротами, куда выходило мое окно. По утрам я любовался на это своеобразное украшение двора и внимательно следил, чтобы никто из вездесущих слуг-негров не подходил к машине ближе, чем на двадцать футов. Не хватало мне найти под капотом украденную бутылку хозяйского виски. Правда, как я узнал позже, подобного опасаться нечего: на этой гасиенде с рабами обращаются вполне пристойно, пусть иной раз на их эбеновые тела иногда опускается плетка надсмотрщика.

За неделю я перезнакомился со всеми обитателями особняка. Сразу после первого же завтрака меня подловил в гостиной сын плантатора с французским именем Анри. Совсем невинный, с темным пушком на верхней губе и длинными, до плеч темными волосами он, наверное, незаслуженно, показался мне изнеженным и избалованным мажором. Моя неприязнь объяснялась просто: слишком уж он был похож на хиппи, который плюнул мне в лицо в аэропорту Далласа после возвращения из Вьетнама. Тогда я догнал подонка, хорошенько встряхнул его за шиворот и, глядя в наполненные ужасом глаза, процедил: «Знаешь, что я тебе скажу? Мне все равно!» С этим напутствием я пинком под зад отправил «миротворца» в свободный полет до ближайшей сточной канавы.

С Анри же мы обменялись несколькими ничего не значащими, холодными фразами и больше не разговаривали, хотя я часто видел его на асоте – окруженной парашютом плоской крыше.

Высокий бесцветный блондин по имени Барни Холлиуэлл, двоюродный брат плантатора, пытался сделать из меня записного алкоголика. Он предлагал мне крепкие вина после каждого завтрака, и я едва отделался от назойливого виночерпия, сказав, что чувствую себя не очень хорошо. Конечно, хорошее вино – это дар богов, но от продукции местной винокурни у меня скрутило живот, и я целый день провалялся в постели с книгой. Это был атлас Техаса издания тысяча восемьсот сорок девятого года.

О дочери плантатора нужно рассказать особо. Мне довелось с ней встретиться, как только я оправился от неудачной дегустации спиртного. Рано утром, едва рассвело, я поднялся на асотею с полевым биноклем и долго разглядывал пойму Леоны и белые стены форта Индж, как меня окликнул переливчатый, точно звон серебряного колокольчика, девичий голосок:

– Мистер Ральф?

Я обернулся и увидел стройную девушку с волнистыми, спадающими на плечи каштановыми волосами и нежным, юным лицом. Ни у англосаксов, ни у немцев не бывает таких тонких черт и я подумал, что она наверняка француженка. Может быть, только по матери или отцу. Но во мне она не вызвала никаких чувств: ее рафинированной, стерилизованной красоте не хватало жаркого пламени, а в синих глазах безжизненно блеснул только лед.

Девушка покраснела и отступила на шаг назад:

– Вы всех так разглядываете?

– Нет, лишь самых-самых красавиц. Тех, которые прекрасны, как луна и стройны, как акация.

Звонкий смех девушки спугнул с парашюта маленьких птичек.

– Посмотрите в бинокль вон на то дерево, мистер Ральф!

Я не увидел в корявых, переплетенных между собой стволах ничего необычного.

– И что?

– Это и есть акация. Вы сделали мне плохой комплимент.

– Простите, мисс... не знаю вашего имени...

– Мари-Луиза Морган. Вы ведь джентльмен, да?

Я вспомнил, что в викторианской Англии было всего три джентльменских профессии: врач, юрист и военный.

– Как все сложно-то, – вырвалось у меня. – Да, все так. Но вряд ли вы подловили меня здесь, чтобы узнать о моих занятиях или же просветить насчет местной флоры.

Мари-Луиза поднесла к глазам лорнет и внимательно оглядела прерию. Потом она словно решилась:

– Для вас я просто Мари. Вы сражались с мексиканцами, да?

Я помотал головой:

– Это была не та война. Мы дрались за колонию: помогали одним желтолицым азиатам защититься от других желтолицых азиатов. Но я не интересуюсь политикой – это не мое дело. Есть враг, его надо уничтожить, не раздумывая – вот и все. На призывном пункте висел плакат: рассматривайте службу в армии, как увлекательное приключение. Я примерно так и считал.

– Но ведь вас могли убить?

– Война вообще травмоопасное мероприятие. Но знаете, Мари, отношение к ней, впрочем, как и к охоте, зависит от того, с какой стороны ружья ты находишься. Когда на твоей стороне шестиствольные пулеметы и управляемые ракеты, а у противника – допотопные винтовки, война кажется легкой прогулкой. Увы, на деле оказалось не все так просто, и мы увязли во Вьетнаме на долгие годы. Впрочем, меня это уже не касается.

– Вот даже как? Вас отправили в отставку? За что?

В сообразительности девушке не откажешь. С другой стороны, вряд ли дочь владельца богатой плантации будет глупа как выжившая из ума анаконда.

– Не подумайте плохого. Меня уволили со всеми полагающимися привилегиями и даже наградили медалью. Но тыловые крысы всегда видят дальше и вернее, чем те, кто на передовой.

– Чем они объяснили свое решение?

– Сказали, что вышел срок и предложили работу в штабе. А я хотел сражаться... для чего мне перебирать бумажки? Я метался из стороны в сторону – то к морпехам, то к летчикам. Между делом прошел курс обучения на легком штурмовике – после вертолета это несложно. Но все напрасно. Пришел приказ о моей окончательной демобилизации.

Мари взглянула на меня, как на тяжелобольного:

– Скажите, мистер Ральф. Вы боитесь смерти?

– Я к ней привык.

– Может, поэтому вас и уволили?

Я не успел ответить – дважды прозвенел колокол и на асотею поднялся черный, будто обсыпанный углем, негр. Его кожа лоснилась под утренними лучами солнца.

– Завтрак готов. Спускайтесь в гостиную. Масса Морган ждет вас.

На этом наш разговор закончился. Но, почему-то у меня из головы не выходил ее вопрос. В самом деле, боюсь ли я смерти?

Больше всего времени я проводил у вертолета, а когда мне становилось скучно, шел на плантацию к надсмотрщику за рабами мистеру Джошу Сансому. Коренастый, широкоплечий, бронзовый от загара, он вставал вместе с неграми, садился на лошадь и, шелкая многохвостой плетью, гнал галдящую ораву на работу. Возвращался Сансом вместе с ними на закате. К тому времени я давно знал, что бывшая мексиканская плантация называется Эль-Фароль, что на нормальный английский язык переводится как «фонарь».

– Эй, флайбой! – крикнул мне Сансом вечером в воскресенье, когда я, открыв капот, проверял работу масляного насоса. – Хватит трудиться! Даже черномазы на отдыхе!

Я поднял указательный палец, показывая ему жестом, чтобы он не мешал. Но как только я убедился, что с маслом все в порядке, закрыл капот и обернулся.

– Идем, дам тебе средство против желтого Джека! А то глядишь, сыграешь в ящик!

Желтым Джеком мистер Сансом называл желтую лихорадку; когда-то она выкашивала целые города не хуже чумы. Лишь много позже, уничтожив ее переносчиков – комаров и придумав вакцину, люди смогли избавиться от этой страшной напасти. Разумеется, мне сделали прививку перед командировкой во Вьетнам, но, боюсь, надсмотрщик вряд ли понял бы мои занудные объяснения. И я, словно провинившийся раб, покорно поплелся за ним.

Признаюсь честно, когда я вслед за Сансом вошел в его домик, то слегка обалдел. Жилище надсмотрщика напоминало музей индейской культуры. По стенам были развешаны расписанные узорами луки и томагавки. Из угла скалился жуткой гримасой деревянный тотем. В коробке под стеклом темнел человеческий скальп, когда-то содранный с краснокожего.

Сансом раскурил сигару. Клубы едкого дыма поплыли по комнате.

– Что, нравится? Здесь немного от команчей, немного от семинолов. Сам собирал, когда с отрядом ходил в поход! У вождя до сих пор на меня зуб, хе-хе!

Я вдохнул ядовитых фимиамов, которые источала сигара Сансома, и чихнул. Надеюсь, оглушительно.

– Да ты, гляжу, простыл! Выпей-ка моей микстуры! – Сансом достал из шкафчика бутылку, плеснул в стакан янтарной жидкости и протянул мне. – Лучшего средства не бывает!

Я пригубил... В глотку будто влили расплавленное олово. Из глаз брызнули слезы. Я закашлялся, хватая ртом воздух. Сколько же градусов в этом вискаре? Шестьдесят, не меньше!

– Думал, ты крепче, флайбой! Значит, ты любитель грога! Одну минуту. – Сансом принес графин и разбавил напиток водой. Теперь его стало можно пить.

С полчаса мы мирно беседовали на ничего незначащие темы. Сансом жаловался на непростую службу надсмотрщика над черномазыми и говорил, что с ними нужен особый подход. Потом он перешел на мексиканцев, изрыгая в их адрес чудовищные проклятия и потрясая кулаками, а еще чуть позже его длинную речь прервал требовательный стук в дверь.

– Войдите! – крикнул Сансом.

На пороге стоял майор Рингвуд собственной персоной. Он прошел в комнату, сел на свободный стул и устремил на меня, наверное, самый пронзительный взгляд, какой только смог изобразить.

– Я по твою душу, лейтенант. Пришел ответ на мой запрос в штаб в Сан-Антонио де Бехар. Тебя нет в списках. Выкладывай, кто ты и откуда.

– Что-то слишком быстро вы управились, сэр. Телеграф еще не изобрели, – я не удержался от шпильки.

– Пришлось отрядить нарочного. Так я слушаю, лейтенант!

Сказать, что я впал в ступор, значило ничего не сказать. Майор выглядел человеком, способным раскусить самую правдоподобную ложь. Но как он отреагирует на мои откровения?

– Боюсь, если я расскажу вам правду, вы отправите меня в ближайший сумасшедший дом.

– А если вы будете юлить, лейтенант, то я прикажу отконвоировать вас прямиком на гауптвахту, как возможного лазутчика.

– Интересно, чьего лазутчика? Индейского? – я вложил в эти слова весь свой сарказм.

– Мексиканского, – без улыбки ответил майор. – Ну?

Я посмотрел на Сансома.

– Мне выйти? – спросил тот.

– Обижаете, капрал, – улыбнулся Рингвуд. – Стоило тащить меня, истекающего кровью, десять миль, чтобы я выставил вас за дверь? Лейтенант, мы готовы!

Вот, значит, как? У них здесь, оказывается, боевое братство! И я, прихлебывая разбавленный виски, выложил им все, что знал, как на исповеди у священника. Рассказал о будущем, о Вьетнамской войне, о покупке вертолета, о задании командера Стивенса, гибели Макферсона и синтезаторе топлива. Во время моей длинной речи Рингвуд и Сансом то переглядывались между собой, то во все глаза пялились на меня, но ни разу не перебили.

– Похоже, у твоего Макферсона рыло в пушку! – сказал надсмотрщик, когда я закончил. Майор кивнул.

Они что, мне поверили?

– Если бы не твоя летающая машина, – сказал Рингвуд, – мы бы, конечно, упекли тебя за решетку. Но отрицать очевидное будет лишь идиот. Джош, ты как думаешь?

– Табличка «сделано в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году» говорит сама за себя, – Сансом налил себе виски и еще раз «промочил горло». – Поэтому-то майор и заинтересовался тобой. Наивный юноша. Тебя подставили, в этом нет никаких сомнений.

– Вы хотите работать следователем, Сансом? – поинтересовался я.

– По-моему, я говорил, что полторы сотни негров требуют особого подхода. Не все решается плеткой. Иногда приходится разбираться серьезно.

– Я когда-то читал, что надсмотрщик может карать и миловать. Вплоть до казни на месте.

Сансом покачал головой:

– Такие вещи решает только хозяин. К имуществу нужно относиться бережно. Зачем его портить?

– Действительно ни к чему, – я небрежно махнул рукой в знак согласия. – Что дальше?

Майор впери́л в меня свой пронизательный взгляд:

– То, что вы нам рассказали, лейтенант, не выйдет за эти стены. На всякий случай я распорядюсь, чтобы в форте вы всегда могли пообедать в офицерской столовой. И чтобы вам при необходимости предоставили койку в казарме. Вы свободны. А нам с Джошем нужно посекретничать.

– Спасибо, сэ́р. Мистер Сансом, у вас есть ломик?

Оба моих собеседника удивленно захлопали глазами.

– Мне надо кое-что открыть.

Сансом молча достал из кладовки лом и почти торжественно вручил его мне.

– Ничего! – сказал он. – Вот вернется сеньорита, она за тобой присмотрит!

– Какая еще сеньорита?

– Потом узнаешь. Всему свое время! – Сансом многозначительно поднял указательный палец.

Заинтригованный, я вышел из пристройки и направился к вертолету. Открыл дверь грузового отсека, зажег свет и задумался на несколько секунд, глядя на ящик, прочно принайтванный к полу. Может быть, в другое время я не стал бы пользоваться чужим имуществом, но от выпитого виски у меня отказали тормоза. Я поддел доску ломом, отодрал ее и достал новенькую, пахнущую металлом и лаком винтовку. Я подзабыл, как разбирается «Гаранд» и поэтому мне потребовалось довольно много времени, чтобы очистить механизм от консервационной смазки. Наконец я собрал оружие и щелкнул ударником.

Патроны лежали в коробках, уже упакованные в пачки по восемь штук. Я зарядил винтовку, выключил свет и пошел к особняку. Вот теперь пусть кто-нибудь ко мне сунется!

Пока я возился с ящиком, окончательно стемнело. На небе вспыхнула мерцающая россыпь звезд. Чтобы не блуждать в бесконечных коридорах, я решил зайти в дом через черный ход и пошел через сад. Акации, точно средневековые великаны, тянули ко мне узловатые руки. Вдруг я услышал чей-то шепот, потом под ногой треснула ветка. Я застыл, сжимая винтовку

в руках. Палец лег на спусковой крючок. Пригляделся и между деревьев увидел две темные фигуры – одна хрупкая, нежная и тонкая, вторая – мужественная и высокая. Ничего себе – в саду кто-то устроил любовное гнездышко?

А девушка вдруг бросилась на грудь мужчине, обхватила его шею руками, беспомощно тычась лицом ему в плечо. До меня донесся всхлип не то отчаяния, не то горя.

Я осторожно, стараясь не хлопнуть дверью, прошел в гасиенду, в свою комнату и, не раздеваясь, рухнул на постель. Заснул я мгновенно. Как тогда, в гостинице аэропорта маленького городка Фрир.

Глава 9. Любовь – это...

Когда я проснулся, часы на стене показывали полдень. Голова распухла и превратилась в шар вдвое больше своих обычных размеров. А может, ее оторвал мой знакомый ягуар? Впрочем, скорее, он попросту заночевал у меня во рту. Естественно, постель пятнистая кошка использовала и как туалет. Увы, пить под старость лет я так и не научился.

С трудом продрав слипшиеся глаза, я кое-как доплелся до отхожего места на заднем дворе. На обратном пути мне попался слуга-негр.

– Эй, парень! – крикнул я. – Хочешь прогуляться по Ленокс-авеню?

Я намекал на знаменитую улицу Гарлема и знаменитый шлягер, но не сразу сообразил, что его автора – Ирвинга Берлина, пока не существует даже в проекте.

Негр остановился. И без того худое лицо вытянулось еще больше, белки глаз засверкали, как две полные луны.

– Я не понял, что вы сказали, масса Ральф. Вас не было к завтраку, и масса Морган приказал вас не будить. Бисквиты уже холодные.

– Старикан молодец – соображает. Слушай, друг. Принеси мне минералки, а?

– Может, Юпитер принесет массе Ральфу виски? Или пива?

Я прикрыл рот рукой:

– Ой, нет. Только минералку, приятель.

Негр скрылся за дверью. Я вернулся в комнату и несколько минут сидел, разглядывая свой вертолет в окно. Явился Юпитер и принес две бутылки, напоминающие старинные глиняные кувшины и чистый стакан.

– Это еще что за диво?

– Сельтерская, масса Ральф. Сам масса Морган послал вам в подарок. Открыть?

– Пожалуй. Скажи мне еще, Юпитер, кто тебя так назвал?

Губы негра растянулись в улыбке, обнажая блестящие зубы:

– Масса Морган дал мне имя. Но меня все зовут просто Юп.

Когда негр удалился, я налег на минералку. Первая бутылка опустела за несколько минут. Я еще наслаждался солоноватым вкусом и пузырьками газа, приятно пощипывающими язык, как в дверь постучали. Стук был не сильный, но уверенный. И это явно не слуга.

– Да! – крикнул я недовольным тоном.

В комнате появилась Мари.

– Добрый день, – вымолвил я, вспомнив, что не успел привести себя в порядок. – Вы находитесь в зоопарке имени Лопе де Вега и перед вами самый волосатый гиббон, какого только можно встретить во всей Америке. Чем обязан?

Мари покосилась на винтовку у кровати, села на стул и, не дав мне опомниться, грустно произнесла:

– Вы все шутите, Ральф. А мне не до смеха. Скажите, вы когда-нибудь любили?

От такого вопроса я закашлялся и залил сельтерской свои брюки. И только теперь заметил припухшие от слез веки Мари.

– Чем я обязан вашему визиту? В смысле, почему вы пришли с таким вопросом именно ко мне, в общем-то, постороннему человеку?

– Я никому больше не доверяю. Но вряд ли меня поймет тот, кто никогда не любил. Прошу прощения за беспокойство.

– Нет, подождите. И в моей жизни были два месяца счастья. Очень давно, много лет назад.

Косые струи осеннего дождя нудно барабанили в окно. Крупные капли ползли по стеклу, собирались лужицами на откосах и прозрачными ручейками стекали на асфальт. В комнате было сухо, тепло и уютно. Я нежился в постели, а мне в плечо жарко дышала Эбигейл – самая прекрасная девушка на свете. На ее пальце блестело новенькое обручальное кольцо. Такое же, как и у меня, только поменьше.

Эбигейл, совершенно нагая, подняла голову. Ее платиновые волосы рассыпались по плечам.

– Милый, нам пора. И так вместо завтрака мы...

– Приготовь срочно чего-нибудь. Рванем на всех парах и будем на месте вовремя!

Пока я одевался, Эбигейл нарезала бутербродов и заварила кофе. Она еще умудрилась привести себя в порядок – стянула волосы в хвост, подвела глаза и подкрасила губы бледной, чуть блестящей помадой. И когда успела?

Мы быстро подкрепились, накинули плащи и хлопнули дверьми нашего семейного «Форда». Я запустил двигатель, погнал по улицам, разбрызгивая лужи, и выскочил на трассу. В запотевшем боковом окне промелькнул перечеркнутый знак «Портленд» – я, скорее, угадал надпись на нем, чем увидел.

Мыслями я был уже далеко – на торжественном построении студентов Массачусетского технологического института. Позади трудные вступительные экзамены. Я зачислен в один из самых престижных университетов мира! Победно ревел мотор, свет фар желтыми зайчиками отражался в мокром асфальте, стрелка спидометра перевалила за отметку восемьдесят миль в час. Меня переполняли чувства, и я не сразу сообразил, что не так с двумя яркими светляками на встречной полосе. Лишь три бесконечных секунды спустя я понял, что они мечутся вправо и влево по всей ширине автострады – очевидно, водитель не справился с управлением.

Я вдавил педаль тормоза в пол до отказа, но машина продолжала нестись по залитой водой дороге. В последний миг, уходя от столкновения с темной громадой седельного тягача, я инстинктивно вывернул руль влево. Удар пришелся на место пассажира. Туда, где, пристегнутая ремнями, сидела моя жена.

Я ничего не слышал – наступила тишина. Как в замедленном кино, машина отлетела в канаву, серое, затянутое тучами небо поменялось местами с землей и снова встало на свое место. Эбигейл так и осталась в кресле, зажата искореженной дверью. Ее глаза остекленели, изо рта сочилась алая струйка, но она была жива еще целых двенадцать минут. Я же не получил ни царапины.

– Эбигейл! – закричал я что есть силы. – Эбигейл!

После похорон я записался в армию, в училище вертолетчиков. Через год началась война во Вьетнаме, я отправился добровольцем и попросился в воздушную артиллерию на ганшип – вооруженный от полозьев до винта вертолет огневой поддержки.

– Эбигейл, – прошептал я.

– Вы что-то сказали? – тут же отозвалась Мари. – Впрочем, я вижу все по вашим глазам. Я причинила вам боль?

Наверное, Мари надо было идти учиться на хирурга. Она попыталась сунуть палец мне в рану и поскрести в ней ногтем. Только там остался давно заживший шрам. Легкая щекотка – вот и все, чего добилась взбалмошная наследница гасиенды. Вслух же я сказал:

– Так, совсем чуть-чуть. Капельку. Что вам нужно-то?

Я даже не стал вытирать воду с брюк – в жару она быстро высохнет сама. Мари печально оглядела меня с ног до головы и произнесла:

– Значит, я могу рассчитывать на вашу помощь?

– Запросто! Если, конечно, вы расскажете мне суть.

Мари вдруг широко улыбнулась и шагнула к двери:

– Пока не время. Но когда-нибудь вы мне очень понадобятся.

Она послала мне воздушный поцелуй и упорхнула. Я же не знал, что и думать. Вот с таким, с позволения сказать, контингентом, мне пришлось иметь дело. И как теперь быть?

Несколько минут я размышлял, потом схватил винтовку, через длинный коридор прошел на кухню и крикнул черному повару:

– Перекусить есть?

– Вы на охоту, масса Ральф? – спросил негр, отрезая мне большой кусок мяса и хлеб.

– Просто погулять. Боюсь, я не отличу индюка от куропатки.

Наскоро перекусив, я, держа в руке винтовку, направился к вертолету. Занятый своими мыслями, я едва не попал под копыта лошади, которую вел под уздцы конюх. Я злорадно хихикнул: ничего, сейчас мы посмотрим, кто испугается по-настоящему! Сунул винтовку в грузовой отсек и забрался в кабину. Отсюда, с высоты почти десять футов, мне было хорошо видно, как конюх, согнувшись в три погибели, насыпает корм в ясли. И я нажал на кнопку стартера.

Двигатель кашлянул и взревел. Лошадь рванулась в сторону, если бы ее не удержала уздечка, она бы, наверное, перемахнула через ограду. Конюх спикировал прямо в горку ячменя – в воздухе мелькнули его черные пятки. Как только раскрутился ротор, я отсалютовал и оторвал вертолет от земли.

Мне стало весело, сердце радостно затрепетало – я снова в воздухе, и никто здесь мне не может помешать! Здесь нет назойливых диспетчеров, нет зорких радаров, контролирующих каждый твой шаг в небе. Твори, что хочешь! Полная свобода! Я прошел низко над плантацией – невольники, бросив корзины, упали на землю. Надсмотрщик верхом на лошади погрозил мне кулаком.

Набрав высоту, я повел машину на север широким зигзагом, а когда среди холмов показались индейские вигвамы, описал большую окружность с центром в гасиенде – приближаться к темнеющим вдалеке обрывистым холмам мне совсем не хотелось – там запросто можно было поцеловать землю.

Летал я не ради удовольствия и даже не ради проверки вертолета. Я, по старой военной привычке, внимательно изучал местность. Память цепко схватывала ориентиры – речки и ручьи, дороги и тропы, одинокие деревья, перелески, рощицы, хижинки и поселки. Поляны и просеки я отмечал особо – там, возможно, мне когда-нибудь придется приземляться. Когда же топлива осталась половина, я повернул назад, пересек белую, усыпанную известняком, прерию, и вскоре посадил вертолет там, откуда взлетел три с половиной часа назад. Надсмотрщик Сансом ждал меня на «посадочной площадке». От молний, которые он метал глазами, казалось, вот-вот вспыхнет стог сена у конюшни.

– Ты сорвал мне дневную норму! – набросился он на меня, как только я спустился на землю. – И до смерти напугал конюха!

– И лошадь, – невозмутимо добавил я. – Извините. Но мне нужно было слетать на разведку.

– А! Хорошо! – Сансом тут же успокоился и закурил сигару. – Только в следующий раз огибайте плантацию с востока или запада. Никого не заметили?

– Несколько индейцев на севере, у холмов, отряд драгун возле форта и одинокий всадник на берегу Леоны, в нескольких милях к югу отсюда.

– Это, наверное, Рид. Выехал на охоту. Надеюсь, вы не распугали ему дичь. При okazji, навестите его в хижине. У него есть много интересного. Говорят, он пишет книги.

– Вот как? И о чем же?

– Этого никто не знает, лейтенант. Разные ходят слухи.

Я оставил винтовку в вертолете – пока мне не понадобился даже пистолет, и пошел к себе в комнату. До поздней ночи я, как умел, рисовал карту. Что мне оставалось?

Мне выпало три спокойных дня. Время лениво тянуло ляжку судьбы, я же, пристреляв у реки свой «Гаранд», маялся бездельем. Мне очень хотелось добраться до поселка и пообщаться с одной из черноглазых сеньорит, обслуживающих офицеров форта, но, к счастью, на пути к плотским удовольствиям непреодолимым барьером встали два обстоятельства.

Во-первых, доллары тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, без сомнения, произвели бы впечатление на местных торговцев. Правда, совсем не то, на которое я рассчитывал. Во-вторых, гонять туда-сюда вертолет не хотелось, а ездить на лошади я не умел. В принципе не умел! Я и лошадь-то видел всего два раза в жизни – в зоопарке и на ранчо у одного американо-мексиканского скотовода, которому, как воздушное такси, доставлял «брасерос» – сезонных рабочих. У меня тогда хватило ума не закрутить роман с его смазливой дочкой, иначе бойкая латиношка быстро стала бы моей второй женой. Ну, или меня нашли бы в сточной канаве с простреленной головой. От мексиканских бандитов, нанятых обманутым отцом, вашего покорного слугу не спасло бы даже личное покровительство дяди Сэма.

Глава 10. Индейские страсти

Джош Сансом ворвался ко мне в комнату без стука.

– Собирайся, лейтенант! Ее похитили! – выпалил надсмотрщик, потрясая кулаком. – Нет времени!

Видать, дело серьезное, раз он так взвинчен.

– Кто похитил? Кого?

– Дикий Кот! Надо его поймать! Каждый человек на счету!

– Какой кот? – я ничего не понял из бессвязной речи надсмотрщика. – Дикий?

Сансом перевел дух.

– Индейцы, команчи, перехватили мою племянницу на дороге в форт Индж. Сейчас они на дороге к северной стоянке. Мы собрали небольшой отряд, он готов пуститься в погоню. Но если индейцы уйдут...

Второй раз объяснять не требовалось. Я натянул форму, хлебнул из бутылки сельтерской и, вслед за Сансом, выскочил во двор, в серую прохладу раннего утра. И тут случилось то, чего я никак не ожидал. Черномазый конюх вел под уздцы оседланную лошадь. Очевидно, ее приготовили специально для меня.

Я с ужасом отшатнулся от храпящего и фыркающего четвероногого монстра. Мне показалось, что если я к нему прикоснусь, то обдеру ладони о блестящую коричневую шкуру. Да никогда в жизни никто не заставит меня прикоснуться к этому чудовищу!

– Что стоишь? – Сансом уже вскочил на своего коня. – Скорей!

– Я не умею...

– Трус! Догоняй, если решишься! – надсмотрщик щелкнул плеткой. Его конь заржал, взвился на дыбы и поскакал галопом в раскрытые ворота.

Я, недоумевая, смотрел вслед удаляющемуся Сансому. По-моему, на вертолете мы бы догнали индейцев куда вернее. И, если что, я мог бы взять на борт весь его отряд. Естественно, без лошадей.

Негр все еще стоял каменным истуканом с острова Пасхи.

– Это быстрый конь, масса Ральф, – проговорил наконец он. – Выносливый мустанг.

– Веди обратно в конюшню. У меня другой план.

Я поднялся по ступеням в кабину вертолета. Запустил мотор, взлетел и помчался на север. Насколько я помнил из своих географических изысканий, в десяти милях от усадьбы раскинулась густая роща, через которую вела к холмам единственная просека. Значит, похитителям просто некуда от меня деваться.

Я оказался прав. Пять краснокожих всадников во весь опор мчались через заросшую кустами прерию. Они ускакали далеко, и у преследователей – отряда Сансома, не было никаких шансов их догнать. Я не стал приближаться к индейцам – конечно, они слышали рокот мотора, но вряд ли почуяли опасность. Скорее всего, они даже не поняли, что их догоняет небесная колесница.

Мне с трудом удалось найти подходящую площадку среди зарослей. Как и во Вьетнаме, здесь, насколько хватало глаз, кругом стояла сплошная стена деревьев. А ведь именно на этом месте должен был... вернее, будет через сотню лет карьер по добыче известняка!

В конце концов, едва не обломав лопасти о толстые стволы, я приткнул вертолет на проплешину в сотне ярдов от просеки. Не дожидаясь, пока ротор остановится, забрал винтовку с патронами и устроил на опушке удобный наблюдательный пункт. Ждать пришлось долго.

Поначалу в роще стояла мертвая тишина. Потом вдалеке вскрикнула птица. В ответ раздался вопль, похожий на мяуканье кошки. От неожиданности я чуть не выронил бинокль. Крик раздался снова, на этот раз его подхватили сразу несколько лесных тварей. К душераздира-

ющему концерту присоединялись все новые и новые участники, и вскоре роща наполнилась ужасающей какофонией, от которой у меня на лбу выступил ледяной пот.

Черные точки на горизонте показались, когда от напряжения мои глаза чуть не выскочили из орбит. Всадники быстро приближались, и вскоре я смог хорошо разглядеть врага. Сначала мне показалось, будто по прерии едут зомби из голливудского фильма, но потом вспомнил энциклопедию и понял: это боевая раскраска! Естественно, каждый воин был вооружен винтовкой и томагавком.

Двое индейцев скакали впереди, двое – чуть сзади. Между ними ехал вождь – пучок безвкусно раскрашенных перьев на голове красноречиво говорил сам за себя. С холки его лошади бессильно склонилась к земле черноволосая девица. Как она не свалилась при такой бешеной скачке?

Я не боялся команчей. Их ружья стреляли в лучшем случае на сто ярдов, а на скаку так и вовсе лишь в упор, мой самозарядный «Гаранд» бил впятеро дальше. Но все же я прошептал «молитву», которой научили меня друзья из корпуса морской пехоты.

«Это моя винтовка. Таких винтовок много, но эта моя. Моя винтовка – мой лучший друг. Это – моя жизнь. Я должен научиться владеть оружием так же, как владею своей жизнью. Без меня моя винтовка бесполезна. Без моей винтовки бесполезен я...».

Я подождал, пока индейцы не подъедут достаточно близко, чтобы заметить меня, и вышел им навстречу – если бы я начал стрелять из засады, они бы просто повернули назад. Тогда – ищи их по всей прерии.

Построение изменилось. Четверо воинов сорвали с плеча ружья, развернулись в шеренгу, точно хорошо вышколенные солдаты и, громко завывая на своем собачьем языке, ринулись ко мне. Вождь со своей добычей остался позади.

Я припал на колени, прицелился и нажал на спуск. Выстрел ударом кнута хлестнул по ушам. Команч раскинул руки и покатился по земле. Его товарищ тут же разделил печальную участь. Но, потеряв половину отряда, индейцы и не думали отступать. Густые белые облачка вырвались из дул их ружей; пули ушли высоко вверх. Я перевел прицел.

На третьего краснокожего у меня ушло два патрона. Четвертый будто не видел гибели соплеменников. Он мчался прямо на меня, громадной башней восседая на боевом коне. В руке грозно сверкнул томагавк. Я выстрелил лошади прямо между глаз. Тысячегрунтовая груда мяса и мышц словно налетела на бетонную стену. Всадник же, оглушенный но не побежденный, вскочил на ноги. Лишь третья пуля успокоила его навеки.

Блэмс! «Гаранд» с характерным мелодичным звоном выплюнул опустевшую патронную пачку. Я перезарядил оружие и щелкнул затвором. Если бы не эта заминка, вождя бы не спасло ничто.

– Стойте! Не стреляйте! – дрожащим голосом взмолился индеец. – Вы убили их всех!

– Назови хоть одну причину, по которой я должен оставить тебя в живых.

– Я – Дикая Кот, сын верховного вождя. Если я не вернусь, команчи будут мстить за меня! Они выйдут на тропу войны! Тогда бледнолицым придется плохо.

Только сейчас я понял, что тот, кого я принял за вождя, очень молод. Не старше семнадцати, может, восемнадцати лет. Наверное, он, в поисках подвигов и приключений, тайком сбежал из родительского вигвама. Если так, то ему надо всыпать хорошего ремня и на неделю посадить под замок. Но убивать, пожалуй, рановато. Может быть, этот урок пойдет ему на пользу?

– Аргумент, – согласился я. – Живи. Но пограбить тебя мне придется.

Дикая Кот замотал головой так, что, казалось, она сейчас у него отвалится.

– Не пограбить! Все твое по праву победителя! Лошади, ружья. Даже пленница! Ты – страшный воин!

Скорее, у меня страшное оружие. Но... Боже мой! Я совершенно забыл о девушке!

– Что вы с ней сделали? Если она умрет, клянусь, ты не проедешь и десяти шагов!

– Это дурман! Сок кактуса! Скоро она придет в себя!

– Вот что. Слезай с коня и положи пленницу на землю. Потом бери еще одно копытное, то есть, лошадь, сложи на него трупы убитых и вали на все триста шестьдесят градусов... а, стой! – сказал я, заметив на поясе Дикого Кота револьвер. – Эту штуку давай сюда. Пригодится.

Индеец точно выполнил мой приказ. Я великодушно оставил ему ружье и томагавк – вдруг на него нападет залетный ягуар? Когда Дикий Кот тронулся в скорбный путь, я окликнул его:

– Твои приятели настоящие камикадзе!

Но молодой команч, разумеется, не понял реплику. И все же он остановился.

– Не знаю, как ваше имя, но отныне вы желанный гость в вигваме моего отца! Уверю: вам никто и никогда не посмеет причинить вреда!

Через минуту ветви деревьев скрыли индейца от моих глаз. Если бы у меня не оставались важные дела, я мог бы с комфортом отвезти его домой и лично сдать под опеку родителям. Уж я бы позаботился о том, чтобы непутевый сын вождя неделю не мог сидеть на пятой точке.

Глава 11. Схватка с хвостиком

На траве, связанная по рукам и ногам, недвижимо застыла жгучая брюнетка. Смуглая, как у всех мексиканок, кожа, черные, будто нарисованные углем, брови, длинные ресницы и маленький чувственный рот, предназначенный... ну, я так думаю, для жарких поцелуев. Несмотря на чумазое лицо и спутанные волосы, небрежно стянутые в длинный хвост, она все равно оставалась настоящей красавицей – с этим согласился бы даже отъявленный женоненавистник. У меня и вовсе захватило дух, когда я взглянул на перетянутые веревкой соблазнительные выпуклости молодой мексиканки. Куда там черноглазым сеньоритам с поселка!

Как и всякий рыцарь, чтобы получить в награду поцелуй принцессы, я должен был перерезать веревки на ее руках и ногах. Но, как редкостный разгильдяй, обнаружил, что у меня нет ножа. Он остался лежать в кабине вертолета вместе с ножнами и ненужными сейчас кусачками – сетку Рабица и колючую проволоку изобретут лишь четверть века спустя. Концентрационные лагеря и вовсе через полсотни лет.

С минуту я шарил глазами по траве. Эврика! Я схватил валяющийся на земле томагавк, перерезал веревки и тут же пожалел об этом.

Девушка распрямилась тугой пружиной. Тонкие, но удивительно сильные пальцы едва не расплющили мне горло. Бешено вращая глазами, мексиканка сдавила мне шею так, что на синее небо театральной занавесью упала багровая пелена. И это вместо страстного поцелуя спасителю!

Мы, рыча и хрипя, покатались по земле. Несмотря на усилия, достойные штангиста на чемпионате мира, мне не удалось сразу разжать хватку безумной девушки. И, если бы не занятия вольной борьбой, то я бы навсегда остался лежать в прерии. Вряд ли мне устроили бы воинские похороны под трехкратный залп почетного караула.

Я прижал мексиканку коленом к земле, вывернулся и резко выкрутил ее руку за локоть – жестокий болевой прием. Она пронзительно взвизгнула и отпустила мою многострадальную шею. В конце концов мне удалось крепко связать мексиканку обрывками веревок. Девушка извивалась, как обезглавленная змея и хрипела, скрежеща зубами:

– Краснокожие выродки! Вы не получите меня никогда! Смерть! Смерть!

Забористые же кактусы растут в прериях Техаса!

Связанная красавица затихла, словно смирилась со своей участью. На самом деле она, кажется, уснула – глаза сомкнулись, рот приоткрылся, обнажив мелкие зубы. На всякий случай я оттянул ее веко и нажал сбоку на глаз. Зрачок остался круглым. Значит, жива. Что ж, проспать бывает нужно не только после виски.

Обитатели роши возобновили концерт, прерванный стрельбой. Даже здесь, в поле, от воплей, стонов, воя и мяуканья по телу пробежала нервная дрожь. А ведь я не из робкого десятка!

Далеко в залитой солнцем прерии за клубилась серая пыль, из которой вырвались темные точки. Я поднял бинокль и вздохнул с огромным облегчением: полсотни всадников, терзая коней шпорами, мчались по мою душу. Или, вернее, по души недавно упокоенных мной индейцев.

Через несколько минут до меня донесся топот копыт и во главе отряда я разглядел Джоша Сансома.

– Ты?! – надсмотрщик едва не свалился с коня. Он спрыгнул на землю и бросился к лежащей на траве мексиканке. За ним, расстегивая на ходу сумку, спешил маленький человек с умным и одновременно хитрым лицом – военный врач из форта Индж.

Отряд окружил меня. Я оглядел пеструю толпу – грубые и аристократические лица, простая и вышитая золотом пропыленная одежда; наверное, Сансом собрал всех, кого смог найти –

от плантаторов до охотников. С ружьями за плечами, с револьверами и ножами длиной в руку, эти головорезы любому злодею популярно объяснили бы его неправоту. И сейчас они сурово, но не враждебно смотрели на меня, иногда бросая взгляды то на своего предводителя, то на убитого мной коня, неподвижной тушей валяющегося чуть поодаль. Двое всадников поскакали ловить разбежавшихся по прерии лошадей.

– Жива! – заорал Сансом так, что дикие обитатели роши разом умолкли. Даже мой «Гаранд» не мог бы произвести на них большее впечатление. Стало настолько тихо, что я услышал, как жужжит запутавшийся в траве шмель.

– Ну и тормоз, – вырвалось у меня. – Мог бы и спросить.

Сансом с сочувствием посмотрел на меня:

– Вам, Ральф, надо сменить форму. Воротник жмет. Кто вас так отделал?

Я указал на мексиканку, над которой колдовал доктор.

– Она кинулась на меня, как тигрица, защищающая котенка. Едва отбил. Думала, я – индеец. Это все кактусы.

Я подробно рассказал все, что здесь недавно произошло, и прибавил:

– Поздно, Джош, слишком поздно. Вы все равно бы догнали команчей только у вигвамов, если бы рискнули сунуться на их территорию.

Сансом схватил меня за руку:

– Знаешь, я назвал тебя трусом – там, в гасиенде. Беру свои слова назад. Если ты не принимаешь мои извинения, я готов драться с тобой любым оружием на твой выбор.

Так, незаметно друг для друга, мы перешли на «ты».

– Принято, – сказал я. – Давай лучше побережем патроны для... команчей. У тебя пить есть?

Сансом снял с пояса флягу и открутил пробку. Хорошо, что я вовремя уловил запах виски.

– Воды! Воды хочу! Родниковой, дождевой, речной! Да хоть ледниковой с гор, лишь бы просто воды! Мне назад лететь, а моя машина – это не лошадь. Сама дорогу не найдет!

Офицер в синей форме дал мне другую флягу. Пока я с наслаждением глотал теплую и сладковатую воду, Сансом сложил индейские ружья и томагавки в одну кучу и начал, что называется, «разбор полетов»:

– То, что ты отпустил Дикого Кота – это правильно. Если бы он погиб, у нас могли бы начаться крупные неприятности – армия отражает набеги семинолов у Сан-Антонио и стычки с команчами совсем ни к чему. Но как жаль, что ты отдал ему тела. За скальп мужчины можно выручить в поселке пятьдесят долларов. Неплохие деньги, Ральф!

Почему-то слова Сансома вывели меня из себя. Я вернул флягу хозяину и выпалил:

– Вот... буду я еще возиться с мертвечиной! Я – солдат, а не чучельник! И все это, – я пнул грудку ружей, – можете забрать себе!

– Победитель команчей великодушный Ральф, – произнес кто-то из всадников. Но я не услышал даже тени насмешки – иначе заставил бы остряка пожалеть о сказанном.

Я не стал ждать, пока врач окончательно приведет в чувство прекрасную сеньориту и пошел к вертолету. Через час я, в очередной раз до смерти перепугав конюха, посадил машину во дворе гасиенды и пошел на кухню перекусить.

Глава 12. Невыносимая Льяма

Все-таки мне стоит запира́ть комнату изнутри. На ключ. А еще лучше – на амбарный замок. Потому что от недосыпа даже самый уравновешенный и добрый человек очень быстро станет злым и раздражительным. Сначала ко мне забрела хозяйка гасиенды – что ж, имеет право. В конце концов, плантация – ее собственность. Но на этом дело не закончилось! Пропылым утром меня разбудил Сансом, в этот раз меня за плечо схватила его прекрасная племянница. Слишком хорошо я помнил ее пальцы на своем горле, чтобы ошибиться.

– Чего надо? – грубо ответил я, даже не обернувшись.

– Сначала я хочу сказать спасибо, – мисс «железная рука» говорила по-английски вполне разборчиво, но с заметным испанским акцентом.

Ну, поблагодарила – уже хлеб. Извинений за то, что она сделала с моей шеей, я не ждал.

– И прошу прощения. Мне нужно с тобой поговорить. В прерии, с глазу на глаз, – без тени смущения сказала мексиканка.

– Разве это по правилам? Незнакомая девушка вламывается в комнату к одинокому мужчине и сама зовет его на прогулку при луне.

– Оставь этикет для гринго! Я жду ответа!

А курочка-то с характером. С такими нужно вести себя по-особому, иначе сам не заметишь, как окажешься у алтаря. Ха-ха, кажется, я начинаю себе льстить.

– По-моему, я кое на что намекнул. Расшифровать прямым текстом?

– Ах, да. Эстефания Изабелла Валенсиана Обрадор дель Рио, если ты это хотел услышать.

– Какое счастье, что не Исидора Коварубио де лос Льянос, – вот теперь я обернулся, натянув одеяло до самых глаз.

Эстефания, похоже, основательно приготовилась к поездке. Она надела узкие кожаные брюки, темную рубашку и длинную накидку, которая, как я узнал позже, называлась серапе. На плечо мексиканка повесила охотничью сумку, а к поясу прицепила внушительных размеров нож. Волосы же она убрала под расшитое золотом сомбреро.

– Что?! – она гневно сверкнула глазами. – Какая еще Исидора?

– Тебе не все равно? У нее такая же непроизносимая фамилия, как у тебя. Придумай что-нибудь попроще.

– А! – тут же успокоилась Иси... то есть, Эстефания. – Друзья зовут меня просто – Льяма.

– Пламя? Похоже на то, – я тут же пожалел о своей несдержанности.

– Ты знаешь испанский?

– Худо-бедно, – скромно сказал я. – За год жизни в Техасе можно и выучить. Но только никому об этом ни слова, ни полслова. Ты меня очень обяжешь.

Льяма только вздернула плечи.

– Я умею хранить тайны. Так мы идем?

– У меня вряд ли хватит отваги отказать такой воинственной красотке, как ты. Обещаю тебе прогулку на свежем воздухе. Чуть позже – мне надоело мотаться туда-сюда на голодный желудок.

Мексиканка не стала возражать.

– Буду ждать у конюшни. Можешь не торопиться, у меня тоже остались кое-какие дела.

Я успел к завтраку вовремя. Слуга только-только накрыл на стол, и тонкий аромат бисквита и гречневых оладьев щекотал ноздри. Когда же негр открыл крышку подноса с жареной олениной, у меня потекли слюнки. Изысканные яства даже для моего родного двадцатого века.

– Даже удивительно на этот раз, – сказал Морган-старший, отрезая кусок дымящегося мяса. – Мы бы забыли, что ты вообще есть в природе, да в поселке только о тебе и говорят.

– Конечно, – заважничал я. – Бесстрашный истребитель команчей, так?

Морган помотал головой:

– Самый большой лопух, какого можно отыскать в прерии. Оставить убитым индейцам скальпы! Потерять двести долларов за десять минут! Не каждый так сможет.

Анри прикрыл рот рукой. Мари-Луиза сжала губы в тонкую складку. Барни, пропустив рюмку виски, расхохотался в голос. Сурово же провидение наказывает за гордыню. Я сделал вид, что надулся и весь завтрак не произнес ни слова.

В коридоре меня в буквальном смысле поймала Мари. Она схватила меня за рукав и прошептала:

– Вы обещали помочь.

– Пойти туда, не знаю куда?

Но девушка осталась серьезной:

– Мне не до шуток, мистер Ральф. У меня нет выхода. Я должна вам признаться... я люблю!

– Меня?!

Я отступил. Еще немного, и я измерил бы собственной головой толщину стен особняка.

Теперь Мари улыбнулась. Ее улыбка была безжизненна, как у молодой санитарки, ухаживающей в госпитале за безнадежными ранеными.

– Вы, мужчины, одинаковые. Примеряете всё к себе. Не пугайтесь, мистер Ральф. Я люблю охотника Рида.

– А! Ничего удивительного. Этого красавчика даже я бы полюбил. Если бы, конечно, был девушкой. Но что вы хотите от меня?

– Немного поработать почтальоном, – Мари протянула мне сложенный вчетверо листок бумаги. – Отвезите ему это, пожалуйста. Он живет в хижине на реке Нуэсес. Это милях в десяти отсюда. Найти легко – она рядом с обрывом, чуть ниже по течению.

– Пешком я дойду туда через два дня.

– Не стройте из себя дурачка. На этой штуке, – Мари покрутила над головой пальцем. – Вы будете там через десять минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.